

соединяет вместе два измерения науки: теоретическую деятельность и теории как результат этой деятельности. В первом случае, в самом деле, может действовать большой спектр интересов, произрастающих из жизненного мира. Во втором – целью теории может быть только установление положения дел, стремление к истине как таковой, иначе это уже не научная теория. Как замечает Л. Пунтель, имеет смысл приписывать (внешним образом) философской теории освобождающую цель, только если эта теория является подлинно философской теорией, каковой она может быть только как результат поиска знания или истины самих по себе. Непонимание этого приводит к тому, что «философия деградирует до идеологии и/или разновидности борьбы» [2, с. 15]. Отсюда ошибочны и выводы, которые делает Хабермас в отношении задач философии, ограничивая ее предмет жизненным миром человека, в том виде как его понимает Хабермас, т.е. миром коммуникативной деятельности повседневности.

Список литературы

1. *Habermas J. Postmetaphysical thinking : Philosophical essays.* Cambridge ; L., 1992. 241 p.
2. *Puntel L. B. Habermas' postmetaphysical thinking : a critique.* URL: http://www.philosophie.uni-muenchen.de/lehreinheiten/philosophie_1/personen/puntel/download/2013_habermas.pdf (дата обращения: 01.02.2015).

УДК 502,12:1

КРИЗИС ДУХОВНОЙ ТРАДИЦИИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ И ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КОЛЛАПСА: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Орлов Михаил Олегович –

доктор философских наук, доцент кафедры теологии и религиоведения, Саратовский государственный университет
E-mail: orok-saratov@mil.ru

Как в российской, так и в западной социальной философии проблематика кризиса традиционных духовных ценностей западной или российской цивилизации не нашла достаточного осмысления, а сам термин «ценности» используется в совершенно различных и порой противоречивых значениях. Это является существенным методологическим препятствием в осмыслении в терминах «ценности» актуальных проблем кризиса передачи мировоззренческих и религиозных представлений, этических и эстетических норм, чувства ответственности за судьбу родной страны. В статье данные феномены, реализованные в социальном и персональном измерениях, будут обозначены понятием «духовный опыт», а термин «духовная традиция» трактуется как механизмы передачи духовного опыта от поколения к поколению.

Habermas' Postmetaphysical Thinking: an Analytic

S. M. Malkina

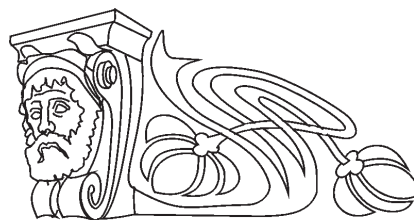
Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410002, Russia
E-mail: MalkinaSM@rambler.ru

The article is devoted to the consideration of J. Habermas' concept of postmetaphysical thinking. According to Habermas, the transformation of the four aspects of metaphysical thinking (identity thinking, idealism, prima philosophia as philosophy of consciousness and the strong concept of theory) results in modern philosophy in a shift, that leads to establishing of postmetaphysical thinking, also characterized by four features: procedural rationality, situating reason, the linguistic turn and deflating the extra-ordinary. However, Habermasian project of social communication, which should embody all the advantages of postmetaphysical thinking, contains itself the complexity that posing into question the disciplinary existence of philosophy in general.

Key words: postmetaphysical thinking, metaphysics, contemporary philosophy, Habermas, communicative practices, linguistic turn.

References

1. *Habermas J. Postmetaphysical thinking: Philosophical essays.* Cambridge; London, 1992. 241 p.
2. *Puntel L. B. Habermas' postmetaphysical thinking: a critique.* Available at: http://www.philosophie.uni-muenchen.de/lehreinheiten/philosophie_1/personen/puntel/download/2013_habermas.pdf (accessed 1 February 2015).

Специфика исследуемого материала потребовала особого подхода, связанного с необходимостью привлекать методы истории и текстологии (т.е. истории текстов) для установления взаимосвязи богословских и философских идей, находящихся в отношениях преемственности или противостояния.

Ключевые слова: духовная традиция, духовный опыт, социальный коллапс.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-3-36-40

Социокультурное бытие духовной традиции в современном мире может быть рассмотрена в трех аспектах: во-первых, детально изучаемая и

осмысляемая с начала XX в. проблема кризиса европейской культуры и причины превращения западной цивилизации в цивилизацию Модерна; во-вторых, особенности модернизационного транзита стран «догоняющего развития», соотношение трех элементов – традиционного, современного («модернизация») и западного («вестернизация») – в сохранении национально-культурной идентичности и, в-третьих, это комплекс проблем, связанных с существованием первобытных обществ Африки южнее Сахары и тихоокеанского региона в мире глобализации, а также социально-религиозные процессы внутри традиционных обществ Ближнего Востока, Северной Африки и Юго-Восточной Азии.

Для изучения вопроса бытия духовной традиции в России наибольший интерес представляет кризис традиции в рамках европейской культуры и тенденции социального коллапса. В первую очередь, это связано с тем, что негативные тенденции в сохранении и передаче этического, эстетического и мировоззренческого наследия русской культуры обусловлены рецепцией элементов западной традиции; кроме того, в отличие от других культур, кризис внутри западной культуры является результатом её имманентного развития, а не следствием столкновения с иными цивилизациями, и потому может рассматриваться в качестве первопричины кризисов традиций в различных странах мира.

Развернутый сравнительный анализ истории европейской и китайской цивилизации с точки зрения их отношения к традиции дан у А. В. Виноградова [1, с. 32–66]. По его мнению, существенным отличием Европы от других мировых центров является ограниченность природных ресурсов, которая не заставляла человека «встраиваться» в природу, повторяя логику животного мира, постоянно приспосабливающегося к внешней среде (как это делал стремящийся к сохранению гармонии с природой и в обществе Восток), а вынуждала к принципиально другому типу поведения – деятельностному. Этот тип поведения предопределил формирование социума «агрессивного типа», постоянно ощущающего антагонизм «человек-природа», вынужденного противопоставлять себя внешней среде и строить в соответствии с этим свой жизненный уклад. Личная мотивация играла решающую роль в обеспечении экономического роста и производительности труда, предопределив развитие индивидуалистических ценностей. Социальной парадигмой конфликта человека с природой стало формирование классов, выросших на почве разделения труда и развитой производственной деятельности. Господствующий тип взаимоотношений с приро-

дой был перенесен на социальную среду, также воспринимавшуюся в качестве части враждебных внешних сил, помимо прочих определяющих специфику западной цивилизации факторов: разнообразия народов и культур Средиземноморья, ставшего одним из факторов разнообразия культурных и практик межкультурного взаимодействия, частично – возникновения рационального мышления; героического характера индивида как идеала личности; горизонтальной солидарности внутри полиса, которая была сильнее родовых отношений, и др. Сформированные в Римском государстве принцип частной собственности и правовая система можно назвать уникальной характеристикой европейской цивилизации, обусловившей создание «классического» феодализма и позднее – капитализма.

В отличие от Средиземноморья, на Востоке регулятором общественных отношений стало не право, а ритуал, выросший из кровно-родственного понимания социальной общности. В Европе движение этносов, смешение культур и религий стирало поступь цивилизации, цивилизованность сменялась периодами разрухи и упадка; сформировалось особое понимание перемен как насилия и тотального разрушения, в котором новое не выросло из старого, а утверждалось как отказ от него. Таким образом, сохранение культурного наследия данной территории, которое к тому же часто было чужим, редко заботило европейские народы. В качестве иллюстрации можно привести пример перехода от классической полисной культуры Древней Греции к эллинистическим монархиям с последующей динамикой «разложения» одного социально-экономического строя и перехода к другому. Это было время появления мировых религий и философских учений, знаменитых походов Александра Македонского и распада традиционного миропорядка, когда массовые миграции обусловили взаимодействие с другими народами и их культурами, вели к утрате привычного образа жизни, порождая кризис античного полиса. В итоге мировоззренческие представления эллинов, базировавшиеся на полисной системе ценностей, с одной стороны, размывались, с другой – распространялись далеко за пределами отдельных городов-государств. В связи с этим можно сказать, что регулярные разрывы и кризисы культурной традиции стали одним из атрибутов европейской культуры, вынужденной постоянно приспосабливаться к изменяющимся социальным, политическим, демографическим и иным условиям.

Дальневосточная культура была избавлена от постоянной смены культурных архетипов, и главным ее оппонентом оставалась естественная

среда обитания, а не конкурирующие этносы и культуры. Постоянство определило неприспособленность восточных цивилизаций к взрывным изменениям: они были ориентированы на постепенность. Не были сформированы механизмы адаптации к переменам, которые воспринимались как разрушение, наоборот, развитие получили инструменты реконструкции и восстановления. В этих условиях инертность культуры не была сдерживающим фактором, общественный прогресс имел другое измерение, в котором бесспорным был приоритет моральных норм.

Сравнивая западную и восточную культуру, необходимо сделать одно замечание. В отечественной философии распространено противопоставление индивидуализма Запада и коллективизма Востока (в том числе России). Однако, на наш взгляд, абсолютизация западного индивидуализма (сущность западного человека европейской традиции заключается в либеральном индивидуализме как базовом принципе организации жизни общества) является необоснованным упрощением специфики социальной жизни западных стран. Распространение западной культуры по всему миру, а также достигнутый уровень жизни обитателей стран Западной и Центральной Европы и Северной Америки были бы невозможны без высокого уровня самоорганизации западного общества, восходящего к племенным и средневековым корпоративным традициям самоуправления профессиональных и территориальных сообществ. Прежде всего, это выражается в активном участии в деятельности институтов гражданского общества. Например, среднестатистический датчанин является членом как минимум семи общественных организаций, а каждый третий житель страны работает в какой-либо из них на добровольных началах, не получая ничего за свой труд [2, с. 92–96]. Возникновение и распространение протестантизма было тесно связано с активизацией жизни самоуправляемых общин в силу большей «практической» направленности этой ветви христианства. Кроме того, присущая западному миру способность к активной самоорганизации обусловила создание идеала гражданского общества, внедрение которого в других странах является не столь успешным. В связи с этим утверждения об «индивидуализме» западной культуры должны содержать и факты высокой способности западного общества объединять усилия для достижения общих целей.

Разрушение общины в Европе заставило основание социальной пирамиды, большей частью лишенное материальных богатств, искать устойчивость в духовных ценностях, компенсировавших отсутствие семейной теплоты. Пришедшее с

Востока, исторически ориентированного на приоритет общественного, христианство «противостояло государственной власти собственников». Оно заложило основы конфликта общественного и личного, из которого затем выросло противостояние социализма и либерализма, уходящее, таким образом, истоками в противостояние Востока и Запада.

Становление капиталистической экономики с конца XVIII столетия привело к нарастанию социальной несправедливости, индивидуализации прав и свобод человека (что ранее в религиозном плане было осуществлено протестантизмом) как безличного субъекта рыночного хозяйства и опосредованию человеческих отношений, прежде регулируемых христианскими заповедями и народными традициями, капиталом. Распространение монотонного физического и интеллектуального труда, доминирование материальной культуры, эволюционировавшее до позитивизма и нигилизма «естественно-научное мировоззрение» породило у части западной интеллектуальной элиты сомнения в рациональности как основе европейской цивилизации. Внезапно исчезли интеллектуальные ориентиры, от которых человек зависел веками, что привело к двум результатам. С одной стороны, это дало огромное чувство свободы и бесконечных возможностей, что привело к радикальному экспериментированию и культу новизны. С другой стороны, это же освобождение от традиции породило страшную неуверенность и тревогу.

Кризис европейской духовной традиции и ценностей в его различных аспектах нашел свое отражение в работах европейских философов, обличавших деиндивидуализацию социальных отношений и частную собственность на землю как источник социального неравенства. Огромное влияние на развитие философии и общественного сознания при кризисе традиции оказала ницшеанская философия, утверждавшая «всего лишь человеческое», т.е. нетрансцендентное происхождение всех моральных ценностей и необходимость отказа от христианства («переоценки ценностей») ради свободного развития человека на его пути к сверхчеловеку. Провозглашенная ницшеанцами свобода полагания собственных ценностей закономерно означала также и свободу полагания для себя своей собственной «традиции», утверждавшей эти ценности. В этом аспекте идеологи нацистской Германии, активно создававшие миф об арийской культуре, последовательно применяли предоставленные философией Ницше возможности и, таким образом, были законными духовными преемниками немецкого философа (несмотря на активное дистанцирование философии от нацистской идеологии).

В качестве одной из базовых причин кризиса духовной традиции можно назвать обусловленную экономической глобализацией унификацию жизненного уклада во всех развитых и развивающихся странах. Наличие мировых брендов и массовое производство одинаковых товаров для потребителей во всем мире обусловили формирование одинаковых потребительских установок у граждан стран с совершенно различными цивилизационными корнями. В качестве одного из самых ярких примеров можно привести компанию Apple, чья продукция одинаково желанна и для мексиканского наркоторговца, и для европейского политика, и для арабского профессора теологии. В рамках глобального потребительского общества формируется единая система материальных рыночных ценностей, чье воздействие на жителей любой страны мира, особенно молодежь, как правило, превосходит воздействие ценностей национальной культуры. К этому следует добавить распространение глобальных социальных сетей, благодаря чему спорадические увлечения пользователей данных сетей принимают характер всемирных «эпидемий». Слово «эпидемия» подчеркивает нездоровый характер распространяемых тенденций, связанных с развитием нарциссического взгляда на мир («поколение селфи»), а также культом фотографирования еды.

Вторая причина обусловлена первой и является её конкретизацией. Формирование глобальной экономики и глобальной массовой культуры произошло в условиях политического, финансового и культурного доминирования (при поддержке мощных вооруженных сил) Соединенных Штатов Америки – государства, образованного как сообщество эмигрантов, оторвавшихся от своих народов и культур в поисках свободы (протестантские общины) и личного материального успеха. Отсутствие многовековой культурной традиции и даже её принципиальная невозможность в силу характера формирования нации стали предпосылкой того, что американская культура стала культурой без корней. Если же в ней возникают «традиционные ценности», то в их качестве выступают религиозные практики радикальных протестантских конфессий (например, в штате Юта последние 150 лет тщательно хранятся заповеди Дж. Смита, основателя «Церкви Иисуса Христа Святых последних дней»). Распространение культуры, не имеющей глубоких традиций и глубокого содержания, её видимая успешность на глобальном рынке поп-культуры стали угрозой для имеющих более давнюю историю культур, не способных стать столь же привлекательными для молодого поколения. В последние десятилетия в результате борьбы с расовой дискриминацией внутри США

общий культурный уровень этой страны еще более понизился. Образцы современной поп-культуры показывают, как представители белой молодежи США копируют манеры поведения, стиль мышления и даже самоидентификацию афроамериканцев – национально-культурной группы, которая в силу исторических условий оказалась лишена собственной развитой культурной идентичности. Эта тенденция несет в себе опасность не столько замены одной духовной традиции другой, хотя и более низкого уровня, сколько полной архаизации и варваризации.

Любая культура во всем разнообразии выражающих её культурных феноменов основана на конкретном базовом, лично передаваемом духовном опыте, который при этом имеет универсальное содержание, способное сплотить представителей разных поколений и национальностей. Для русской культуры этим базовым опытом является духовный опыт православного христианства, в то время как источником кризиса традиции и его постоянной причиной является отказ от предлагаемого православием духовного опыта. Все попытки использования тех или иных элементов христианской культуры в её отрыве от основополагающей Евангельской вести приводят лишь к формальным ритуалам и этнографически-развлекательным мероприятиям, не оказывающим преобразующего воздействия на общество, и только закрепляют укоренившиеся в обществе невежество и пренебрежение к реальности духовной жизни [3, с. 187].

Обзор предпосылок и последствий кризиса духовной традиции отражает коллапс, связывающий все указанные феномены, а именно отказ от общего универсального духовного опыта как настоящей основы духовной традиции. Смешение различных жизненных опытов, поколений, культур и народов становится угрозой только для той традиции, чье содержание основано на локальном человеческом опыте, зачастую являющемся случайным. Апелляция к «вечным ценностям», таким как честность, трудолюбие, патриотизм, оказываются тщетными прежде всего потому, что данные этические феномены представлены только как слова, не подкрепленные соответствующим духовным опытом, а выбор того или иного конкретного духовного опыта блокируется запретами толерантности. Постсоветские десятилетия показали, что нарушение личной передачи опыта в науке, производстве, государственном и муниципальном управлении привели к потере многих технологических навыков и общему снижению эффективности экономики и социальной сферы страны. Причем «возрождения нравственности» в обществе, которая более зависит от личного

примера, светское общество стремится добиться посредством безличной и, как мы видели, не всегда адекватной пропаганды соответствующих «ценностей». Между тем очевидно, что никакие воспоминания о подвигах минувших поколений не могут стать основой для принятия этических решений для современного человека. Неполющеная работа механизмов духовной традиции приводит к углублению её кризиса, что негативным образом сказывается на нравственном и культурном состояниях общества, которое совершает всё новые витки по спирали моральной деградации.

Таким образом, базовым условием восстановления духовной традиции является просвещение населения России, касающееся истинного содержания православия как опыта духовной жизни. Однако определение направлений просветительской работы требует предварительного анализа того, каким образом христианское богословие рассматривает отношение христианства к механизмам духовной традиции, а также к базовым патриотическим и культурным традициям христианских народов.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Россия в 1917 году: институциональный ресурс, социальные риски и цивилизационный коллапс» (№ 15-33-12009).

Список литературы

1. *Виноградов А. В.* Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. М., 2008. 360 с.
2. *Иванов А. В., Дорошин И. А.* Идеологический и политический дискурс религиозного фундаментализма в обществе риска // *Власть*. 2012. № 11. С. 92–96.
3. *Орлов М. О.* Социальная динамика глобального мира. Саратов, 2009. 256 с.

УДК 111.82; 123.1

СЛУЧАЙНОСТЬ В ПРИРОДЕ: ЕДИНОЕ И МНОГОЕ

Самойлова Ольга Александровна – аспирант кафедры философии и методологии науки, Саратовский государственный университет
E-mail: ivory_coast@list.ru

В статье рассматриваются некоторые проблемы современного естествознания, осмысленные в контексте онтологических категорий «случайность и необходимость», «единое и многое». В частности, автор обращается к проблеме существования единственного мира или множества возможных Вселенных, природе фундаментальных физических констант, набору условий, требуемых для возникновения и распространения жизни во Вселенной. Обосновывается дуальный характер отношений категорий «случайность» и «единое и многое», показана ограниченность гносео-

Crisis Spiritual Tradition in European Culture and Causes of Social Collapse: Philosophical Aspect

M. O. Orlov

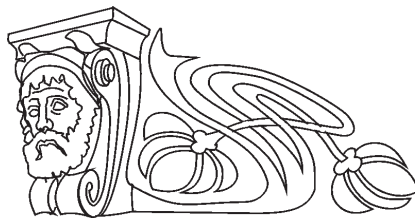
Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410002, Russia
E-mail: orok-saratov@mil.ru

The problems of the crisis of traditional spiritual Western or Russian civilizations' values have not found the sufficient reflection both in Russian and in Western social philosophy. and the term «value» is used in a completely different and sometimes contradictory meanings. This is a significant methodological obstacle in understanding through the terms of «value» the urgent problems of crisis transmission of philosophical and religious beliefs, ethical and aesthetic standards, a sense of responsibility for the fate of the native country. Therefore, in the present issue these phenomena, implemented in social and personal dimension, will be referred to the concept of «spiritual experience» and the term «spiritual tradition» will denote the mechanisms of transmission of spiritual experience from the generation to the generation. The specificity of the research material has required a special approach associated with the need for attraction the methods of history and textual history (ie texts history `) for connecting theological and philosophical ideas that are in a relationship of continuity or confrontation.

Key words: spiritual tradition, spiritual experience, social collapse.

References

1. *Vinogradov A. V. Kitayskaya model modernizatsii. Poiski novoy identichnosti* (The Chinese model of modernization. The search for a new identity). Moscow, 2008. 360 p.
2. *Ivanov A. V., Doroshin I. A. Ideologicheskii i politicheskii diskurs religioznogo fundamentalizma v obshchestve riska* (The ideological and political discourse of religious fundamentalism in the risk society). *Vlast* (The Power), 2012, no. 11, pp. 92–96.
3. *Orlov M. O. Sotsialnaya dinamika globalnogo mira* (Social dynamics of the global world). Saratov, 2009. 256 p.

логической компетенции при рассмотрении вопроса о случайности или закономерности мироздания, делается вывод о том, что фундаментальные физические константы и силы природы носят необходимый характер. Автор отмечает, что жизнь во Вселенной связана с категорией «многое» и может предполагать разброс непохожих и разнообразных параметров среды обитания.

Ключевые слова: случайность, необходимость, единое, многое.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-3-40-44